Подруга

Марины Цветаевой
Подруга
1
Вы счастливы? — Не скажете! Едва ли!
И лучше — пусть!
Вы слишком многих, мнится, целовали,
Отсюда грусть.
Всех героинь шекспировских трагедий
Я вижу в Вас.
Вас, юная трагическая леди,
Никто не спас!
Вы так устали повторять любовный
Речитатив!
Чугунный обод на руке бескровной —
Красноречив!
Я Вас люблю. — Как грозовая туча
Над Вами — грех —
За то, что Вы язвительны и жгучи
И лучше всех,
За то, что мы, что наши жизни — разны
Во тьме дорог,
За Ваши вдохновенные соблазны
И темный рок,
За то, что Вам, мой демон крутолобый,
Скажу прости,
За то, что Вас — хоть разорвись над гробом! —
Уж не спасти!
За эту дрожь, за то — что — неужели
Мне снится сон? —
За эту ироническую прелесть,
Что Вы — не он.
16 октября 1914
2
Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? — Чья победа? —
Кто побежден?
Все передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?
Кто был охотник? — Кто — добыча?
Все дьявольски-наоборот!
Что понял, длительно мурлыча,

Сибирский кот?
В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только мяч?
Чье сердце — Ваше ли, мое ли
Летело вскачь?
И все-таки — что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?
23 октября 1914
3
Сегодня таяло, сегодня
Я простояла у окна.
Взгляд отрезвленней, грудь свободней,
Опять умиротворена.
Не знаю, почему. Должно быть,
Устала попросту душа,
И как-то не хотелось трогать
Мятежного карандаша.
Так простояла я — в тумане —
Далекая добру и злу,
Тихонько пальцем барабаня
По чуть звенящему стеклу.
Душой не лучше и не хуже,
Чем первый встречный — этот вот, —
Чем перламутровые лужи,
Где расплескался небосвод,
Чем пролетающая птица
И попросту бегущий пес,
И даже нищая певица
Меня не довела до слез.
Забвенья милое искусство
Душой усвоено уже.
Какое-то большое чувство
Сегодня таяло в душе.
24 октября 1914
4
Вам одеваться было лень,
И было лень вставать из кресел.
— А каждый Ваш грядущий день
Моим весельем был бы весел.
Особенно смущало Вас
Идти так поздно в ночь и холод.
— А каждый Ваш грядущий час

Моим весельем был бы молод.
Вы это сделали без зла,
Невинно и непоправимо.
— Я Вашей юностью была,
Которая проходит мимо.
25 октября 1914
5
Сегодня, часу в восьмом,
Стремглав по Большой Лубянке,
Как пуля, как снежный ком,
Куда-то промчались санки.
Уже прозвеневший смех…
Я так и застыла взглядом:
Волос рыжеватый мех,
И кто-то высокий — рядом!
Вы были уже с другой,
С ней путь открывали санный,
С желанной и дорогой, —
Сильнее, чем я — желанной.
— Oh, je n’en puis plus, j’étouffe![1] —
Вы крикнули во весь голос,
Размашисто запахнув
На ней меховую полость.
Мир — весел и вечер лих!
Из муфты летят покупки…
Так мчались Вы в снежный вихрь,
Взор к взору и шубка к шубке.
И был жесточайший бунт,
И снег осыпался бело.
Я около двух секунд —
Не более — вслед глядела.
И гладила длинный ворс
На шубке своей — без гнева.
Ваш маленький Кай замерз,
О, Снежная Королева.
26 октября 1914
6
Ночью над кофейной гущей
Плачет, глядя на Восток.
Рот невинен и распущен,
Как чудовищный цветок.
Скоро месяц — юн и тонок —
Сменит алую зарю.
Сколько я тебе гребенок

И колечек подарю!
Юный месяц между веток
Никого не устерег.
Сколько подарю браслеток,
И цепочек, и серег!
Как из-под тяжелой гривы
Блещут яркие зрачки!
Спутники твои ревнивы? —
Кони кровные легки!
6 декабря 1914
7
Как весело сиял снежинками
Ваш — серый, мой — соболий мех,
Как по рождественскому рынку мы
Искали ленты ярче всех.
Как розовыми и несладкими
Я вафлями объелась — шесть!
Как всеми рыжими лошадками
Я умилялась в Вашу честь.
Как рыжие поддевки — парусом,
Божась, сбывали нам тряпье,
Как на чудных московских барышень
Дивилось глупое бабье.
Как в час, когда народ расходится,
Мы нехотя вошли в собор,
Как на старинной Богородице
Вы приостановили взор.
Как этот лик с очами хмурыми
Был благостен и изможден
В киоте с круглыми амурами
Елисаветинских времен.
Как руку Вы мою оставили,
Сказав: «О, я ее хочу!»
С какою бережностью вставили
В подсвечник — желтую свечу…
— О, светская, с кольцом опаловым
Рука! — О, вся моя напасть! —
Как я икону обещала Вам
Сегодня ночью же украсть!
Как в монастырскую гостиницу
— Гул колокольный и закат —
Блаженные, как имянинницы,
Мы грянули, как полк солдат.
Как я Вам — хорошеть до старости —

Клялась — и просыпала соль,
Как трижды мне — Вы были в ярости! —
Червонный выходил король.
Как голову мою сжимали Вы,
Лаская каждый завиток,
Как Вашей брошечки эмалевой
Мне губы холодил цветок.
Как я по Вашим узким пальчикам
Водила сонною щекой,
Как Вы меня дразнили мальчиком,
Как я Вам нравилась такой…
Декабрь 1914
8
Свободно шея поднята,
Как молодой побег.
Кто скажет имя, кто — лета,
Кто — край ее, кто — век?
Извилина неярких губ
Капризна и слаба,
Но ослепителен уступ
Бетховенского лба.
До умилительности чист
Истаявший овал.
Рука, к которой шел бы хлыст,
И — в серебре — опал.
Рука, достойная смычка,
Ушедшая в шелка,
Неповторимая рука,
Прекрасная рука.
10 января 1915
9
Ты проходишь своей дорогою,
И руки твоей я не трогаю.
Но тоска во мне — слишком вечная,
Чтоб была ты мне — первой встречною.
Сердце сразу сказало: «Милая!»
Все тебе — наугад — простила я,
Ничего не знав, — даже имени! —
О, люби меня, о, люби меня!
Вижу я по губам — извилиной,
По надменности их усиленной,
По тяжелым надбровным выступам:
Это сердце берется — приступом!
Платье — шелковым черным панцирем,

Голос с чуть хрипотцой цыганскою,
Все в тебе мне до боли нравится, —
Даже то, что ты не красавица!
Красота, не увянешь за́ лето!
Не цветок — стебелек из стали ты,
Злее злого, острее острого
Увезенный — с какого острова?
Опахалом чудишь, иль тросточкой, —
В каждой жилке и в каждой косточке,
В форме каждого злого пальчика, —
Нежность женщины, дерзость мальчика.
Все усмешки стихом парируя,
Открываю тебе и миру я
Все, что нам в тебе уготовано,
Незнакомка с челом Бетховена!
14 января 1915
10
Могу ли не вспомнить я
Тот запах White-Rose[2] и чая,
И севрские фигурки
Над пышащим камельком…
Мы были: я — в пышном платье
Из чуть золотого фая,
Вы — в вязаной черной куртке
С крылатым воротником.
Я помню, с каким вошли Вы
Лицом — без малейшей краски,
Как встали, кусая пальчик,
Чуть голову наклоня.
И лоб Ваш властолюбивый,
Под тяжестью рыжей каски,
Не женщина и не мальчик, —
Но что-то сильней меня!
Движением беспричинным
Я встала, нас окружили.
И кто-то в шутливом тоне:
«Знакомьтесь же, господа».
И руку движеньем длинным
Вы в руку мою вложили,
И нежно в моей ладони
Помедлил осколок льда.
С каким-то, глядевшим косо,
Уже предвкушая стычку, —
Я полулежала в кресле,

Вертя на руке кольцо.
Вы вынули папиросу,
И я поднесла Вам спичку,
Не зная, что делать, если
Вы взглянете мне в лицо.
Я помню — над синей вазой —
Как звякнули наши рюмки.
«О, будьте моим Орестом!»,
И я Вам дала цветок.
С зарницею сероглазой
Из замшевой черной сумки
Вы вынули длинным жестом
И выронили — платок.
28 января 1915
11
Все глаза под солнцем — жгучи,
День не равен дню.
Говорю тебе на случай,
Если изменю:
Чьи б ни целовала губы
Я в любовный час,
Черной полночью кому бы
Страшно ни клялась, —
Жить, как мать велит ребенку,
Как цветочек цвесть,
Никогда ни в чью сторонку
Глазом не повесть…
Видишь крестик кипарисный?
— Он тебе знаком —
Все проснется — только свистни
Под моим окном.
22 февраля 1915
12
Сини подмосковные холмы,
В воздухе чуть теплом — пыль и деготь.
Сплю весь день, весь день смеюсь, — должно быть,
Выздоравливаю от зимы.
Я иду домой возможно тише:
Ненаписанных стихов — не жаль!
Стук колес и жареный миндаль
Мне дороже всех четверостиший.
Голова до прелести пуста,
Оттого что сердце — слишком полно!
Дни мои, как маленькие волны,

На которые гляжу с моста.
Чьи-то взгляды слишком уж нежны
В нежном воздухе едва нагретом…
Я уже заболеваю летом,
Еле выздоровев от зимы,
13 марта 1915
13
Повторю в канун разлуки,
Под конец любви,
Что любила эти руки
Властные твои
И глаза — кого-кого-то
Взглядом не дарят! —
Требующие отчета
За случайный взгляд.
Всю тебя с твоей треклятой
Страстью — видит Бог! —
Требующую расплаты
За случайный вздох.
И еще скажу устало,
— Слушать не спеши! —
Что твоя душа мне встала
Поперек души.
И еще тебе скажу я:
— Все равно — канун! —
Этот рот до поцелуя
Твоего был юн.
Взгляд — до взгляда — смел и светел,
Сердце — лет пяти…
Счастлив, кто тебя не встретил
На своем пути.
28 апреля 1915
14
Есть имена, как душные цветы,
И взгляды есть, как пляшущее пламя…
Есть темные извилистые рты
С глубокими и влажными углами.
Есть женщины. — Их волосы, как шлем,
Их веер пахнет гибельно и тонко.
Им тридцать лет. — Зачем тебе, зачем
Моя душа спартанского ребенка?
Вознесение, 1915
15
Хочу у зеркала, где муть

И сон туманящий,
Я выпытать — куда Вам путь
И где пристанище.
Я вижу: мачта корабля,
И Вы — на палубе…
Вы — в дыме поезда… Поля
В вечерней жалобе…
Вечерние поля в росе,
Над ними — во́роны…
— Благословляю Вас на все
Четыре стороны!
3 мая 1915
16
В первой любила ты
Первенство красоты,
Кудри с налетом хны,
Жалобный зов зурны,
Звон — под конем — кремня,
Стройный прыжок с коня,
И — в самоцветных зернах —
Два челночка узорных.
А во второй — другой —
Тонкую бровь дугой,
Шелковые ковры
Розовой Бухары,
Перстни по всей руке,
Родинку на щеке,
Вечный загар сквозь блонды
И полунощный Лондон.
Третья тебе была
Чем-то еще мила…
— Что от меня останется
В сердце твоем, странница?
14 июля 1915
17
Вспомяните: всех голов мне дороже
Волосок один с моей головы.
И идите себе… — Вы тоже,
И Вы тоже, и Вы.
Разлюбите меня, все разлюбите!
Стерегите не меня поутру!
Чтоб могла я спокойно выйти
Постоять на ветру.
6 мая 1915

Сноски (↲ вернуться к тексту)
О, я больше не могу, я задыхаюсь! (фр.).↲
Белой розы (модные в то время духи).↲

Марина Цветаева
«И если руку я даю…»
И если руку я даю — То погадать — не целовать.
Скажи мне, встречный человек, По синим по дорогам рек
К какому морю я приду? В каком стакане потону?
— Чтоб навзничь бросил наповал — Такой еще не вырос — вал.
Стакан твой каждый — будет пуст. Сама ты — океан для уст.
Ты за стаканом бей стакан, Топи нас, море-окиян!